

Андреа-блюз

В Ярославле на фестивале танца было много работы. Днем – классы, вечером – до пяти выступлений на площадке местного ТЮЗа. Летагический сосредоточенный настрой иных выступавших подвергал наблюдателей в уныние – казалось, что об их здоровье не позаботились, их-то, зрителей, не приняли в расчет. Едва ли не первым триумфом “танца для людей” стала постановка американской танцовщицы, педагога и хореографа Андреа Вудс и ее труппы “Souloworks”. Перевести игру трех английских слов в одном можно следующим образом: сольное творчество души. Коряво, но похоже на правду.

Группа показала два перформанса: соло мисс Вудс “Мгновение с Исидой” и коллективный труд “Милая Уилли Мэй”. Первое выступление – аскетичное, емкое, красивейшее высказывание танцовщицы на тему женщины-рока, женщины и ее рока. Ее страшной и большой судьбы, запечатленной в древнейшем мифе, верном и теперь, и во все времена. “Милая Уилли Мэй” – эдакий крошечный фрагмент повести временных лет американских чернокожих. Когда им трудно, они поют и танцуют. Темпераментно, динамично, с громадной долей самоиронии. Собственно, повесть эта – не о том, как трудно нести “тяжелую ношу”, а как чувствовать себя счастливым, когда “сердце бьется, тело работает и мышцы разогреты”. Последнее – слова самой Андреа Вудс. Продолжение следует.

– Ты преподаешь здесь два дня – что можно дать студентам всего лишь за два мастер-класса?

– Моей главной целью было поделиться частью собственного репертуара – те, кто участвовал в мастер-классе, понемногу разучивали разные фрагменты нашего спектакля.

– Я слышала, что у афроамериканцев совершенно особое строение тела и особая пластика. К примеру, я никогда не буду двигаться так же свободно и грациозно, как ты.

– Это, скорее, обобщение. Что если я скажу: все русские любят капусту? Каждый человек – индивидуальность. Никого из моей труппы я не учила, когда они были детьми, у них разное образование, они пришли из разных школ танца. У них разное строение тела, разные ежедневные тренировки. Чем дольше они работают со мной, тем чаще мы начинаем обсуждать схожие идеи. Мы начинаем рассматривать наши тела и то, как они двигаются, мою хореографию. Например, на закрытии фестиваля мы будем выступать вместе с джаз-бэндом Девида Бойкина – в группе пять музыкантов, но ведь не все же они играют на флейте! Не пять флейт, но ударные, бас. В моей труппе тоже есть ударные, бас, флейта, кларнет. Мы все – разные инструменты одного оркестра.

Мы стараемся избегать подобных обобщений. Мы не отдельная национальная группа, но многоплановые, очень сложные люди. Мы не говорим: афроамериканцы грациозны или афроамериканцы хорошо танцуют. Наша компания грациозна благодаря постоянным танцевальным тренингам, стилю движения, над которым мы работаем. Это результат нашего труда, выбора, который я делаю как хореограф, и типа танцоров, с которыми я работаю.

Что касается труппы – для меня не столь важно репетировать только с афроамериканскими танцовщиками. Как часто происходит в Нью-Йорке: труппы не всегда бывают смешанными, нас не нанимают в профессиональные компании. Существует множество прекрасных профессиональных танцовщиков – они не танцуют и потому совершенно раздавлены. Я преподаю внутри университетской системы, по всей стране учу студентов разных культур, разных национальностей и поэтому знаю многих выпускников. Когда я встречаю их годом позже и спрашиваю, чем они заняты, они отвечают: ничего, я официантка, а я хожу на мастер-классы, но все равно не выступаю. Есть в этом что-то неправильное. А в моей труппе иногда бывает слишком много танцовщиков. Я говорю: приходите и работайте со мной! Неважно, чем вы заняты, просто приходите. Так я и встречаю людей – потому что они разочарованы, они не выступают, а моют посуду в ресторане. Здесь большая проблема и большой дисбаланс. Именно поэтому мы работаем вместе.

– Так вот, как ты подбираешь себе танцовщиков.

– Это они выбирают меня! Так бывает чаще всего.

– И все они такие разные – по темпераменту, даже по внешнему виду.

– Я преподаю в университетах, в Школах искусств, на фестивалях. Большинство выпускников оказываются недооцененными, как я только что сказала. Каждый раз, когда я начинаю проект, я зову тех же людей. Хотя, например, в прошлом году в Калифорнии я встретила многих танцоров. После окончания института они перебираются в Нью-Йорк, звонят мне. Одна из них, японка, приезжает в декабре – вот это кое-что новенькое! Но это хорошо, в том и смысл, чтобы раздвинуть границы.

– И как ты находишь молодых неопытных русских студентов, которым теперь преподаешь?

– Они превосходны! А насчет неопытности – это ты сама сказала, так что будь осторожна. Я начала танцевать, когда мне было девять лет, и продолжала уже на протяжении тридцати. Нужно понимать, что зернышко – это еще не дерево. Оно не вырастет ни за год, ни, может быть, и за десять. Вы должны дожидаться, когда придет время. Молодые танцовщики – это и наше будущее, и наше начало одновременно. Я смотрю на них и вдохновляюсь, и поражаюсь: они такие счастливые, такие окрыленные! Может, они делают ошибку. Но ведь все студенты разные: кто-то более экспрессивен, кто-то менее.

Я вспоминаю, как сама была молодой танцовщицей. Вчера вечером они выступали на сцене перед нами, я смотрела и танцевала за кулисами. А когда выступала я – они все смотрели. Все до единого. Раскрыв глаза, в полном восторге. Следом на сцену вышла моя труппа, и студенты снова были за кулисами. Это очень важные взаимоотношения, когда молодые люди смотрят на тебя, чтобы следовать твоему примеру. Они могли бы шутить за кулисами, говорить: это еще что такое, на что тут смотреть-то? Но они меня уважают, а моя работа – уважать их.

– Твоих подопечных можно отличить сразу, хотя бы потому, что

они везде и всюду повторяют движения, которым ты их научила.

– Я это обожаю! Они не робкие, не застенчивые и если я прошу их попробовать что-то сложное – они стараются. Я очень люблю это ощущение – будто ты стоишь на берегу океана и смотришь, как на тебя двигаются волны. Меня это восхищает. Вот что я чувствую, когда преподаю классу. В них столько энергии, им интересно, они хотят знать, что ты можешь им дать. Они хотят отдавать обратно. Опасно, когда этого не происходит. Страшно видеть, как люди отодвигаются от тебя. А эти – они хотят объять все, что я могу им дать. И я чувствую, будто они действительно меня обнимают.

– На этот фестиваль приехало множество американских танцовщиков и преподавателей, но, кажется, они держатся одной группой и не желают контактировать со студентами помимо мастер-классов.

– О! Вот это, конечно, плохо. Я сама здесь уже во второй раз и чувствую себя гораздо комфортнее – можно сказать, почти как дома. Такой вот дом вдали от дома. Я чувствую себя свободно и могу общаться с людьми. Многие из моих студентов говорят по-английски, но даже если нет – я могу спросить их имя. Если ты не можешь беседовать, всегда приятно сказать: привет, Дарья! Это уже что-то личное.

Что до американских педагогов... Знаешь, мы ведь не все знакомы между собой. Большинство познакомилось по дороге сюда, в самолете. И мы очень заинтересованы в том, чтобы узнать друг друга. Для нас это тоже возможность обменяться опытом из разных частей страны. Есть о чем поговорить.

– Тогда, нужно ли вообще поддерживать отношения со студентами помимо мастер-классов?

– Фестиваль дает не слишком много времени привыкнуть друг к другу. Мы преподаем, репетируем, пытаемся поесть и отдохнуть. В общем, единственное место, где можно пообщаться с другими театральными компаниями, – ресторан, только там мы встречаемся все вместе. А так – классы, классы, классы, выступления. Все мои студенты сейчас занимаются с другими педагогами и не могут посидеть со мной.

Но, думаю, это важно. Когда я росла и была молодой танцовщицей, отношения между преподавателями и студентами были очень отдаленными. Педагог казался богом, мастером – ничего личного. Мы звали его Мистер такой-то или Миссис такая-то. Эти отношения были основаны на крайнем уважении, мы не могли ожидать от преподавателя, что он сядет рядом на пол, пообедаст с нами, помассирует нам плечи, спросит о родителях или бойфренде. Но теперь, особенно в танце, думаю, общение стало менее формальным, появилась возможность узнать друг друга как людей, а не учителей и учеников!

– Что в спектакле может быть так же важно, как сам танец, – сценография, свет, музыка?

– Танец. Только движение. Какой прок от света, если танец плох? Тушите свет! Я много репетировала с танцовщиками и не всегда в лучших условиях. Часто не хватает места, плохой звук. Иногда я работаю под живую музыку, но не всегда возможно най-

ти музыкантов и мы репетируем в тишине. Единственное, что я могу развивать, – это танец. Я нечасто использую декорации, хотя мне хотелось бы сотрудничать с каким-нибудь художником. Сама я не готова этим заниматься – но в соавторстве было бы здорово.

Знаешь, как иногда бывает: много чудес, много реквизита, сценографии, света, но мало времени, проведенного в студии. В Нью-Йорке это сложно, потому что студии оплачиваются по часам. Мои танцоры многим жертвуют, у них есть другой заработок – официантов, администраторов. Работать в студии – это почти роскошь. Собственной студии у меня нет, и нам приходится репетировать в разных местах каждый день. Иногда люди путают их, иногда опаздывают, и нам приходится уходить. Как если бы ты была пианистом без пианино: играешь, а через час кто-то говорит, мол, хватит, время вышло. А тебе этого часа недостает, даже чтобы вспомнить, чтобы разбудить творческую энергию.

Я все-таки человек-тело. Каждый день я говорю своим танцовщикам: разогревайтесь, разогревайтесь! Некоторые из них очень молоды и не придают своим телам того значения, какого мне хотелось бы. Но для меня самой первично тело. Все встанет на места, если бьется сердце, если работает тело и мышцы разогреются.

– На этом фестивале я слышала, как о некоторых выступлениях говорили следующее: “Хорошо, но скучно”. Может ли такое быть в современном танце?

– Спроси зрителей. Не могу ответить за всех – не такой уж я авторитет. Но одна из причин, почему люди любят мои работы, – музыка. И танец. Взаимоотношения между ними очень важны, мы говорили о теле, но есть еще такой фактор, как музыка. Я работаю и с тишиной, и с живым текстом, иногда со стихами или музыкой. Здесь я показала свое соло “Мгновение с Исидой” – под аккомпанемент пианино – и это схоже с медитацией, с молитвой. А другое выступление – под восхитительную, сильную блюзовую музыку. Думаю, людям нравится иметь возможность и молиться, и веселиться. Музыка – это моя радость.

– Что за музыку ты использовала в выступлениях?

– В первом – фортепианное соло “Исида” композитора Рэнди Уэстона. Мы много работаем вместе. Во втором – песни блюзовой певицы Уилли Мэй Торнтон. Для меня это своеобразное посвящение ее голосу, ее силе. Если бы она была жива и я могла бы встретиться с ней, то сказала бы: это для тебя.

– Я пока не знаю Уилли Мэй Торнтон, но зато очень люблю Нину Симон.

– Здорово! Тогда тебе наверняка нравится такая музыка, здесь та же страсть. Однажды, очень давно, я видела Нину Симон – она была великой женщиной. Правда, крошечного роста.

– Вопрос, на который вряд ли существует единый ответ, но, может, у тебя есть своя версия: в чем суть современного танца? Создать образ, рассказать историю?

– Прежде всего современный танец связан с независимостью и индивидуальностью. У каждого хореографа будет свой ответ, а единой правды не существует. Если в вашей труппе десять человек, у них будет десять идей на этот счет. Моя труппа не верит во все то, во что верю я. Для меня первопричина танца – возможность выразить себя и поделиться тем, во что я глубоко и страстно верю. Если бы у меня был другой талант – врача, художника, – я чувствовала бы то же. Развивала бы себя, насколько возможно.

Танец – это приношение. И ритуал. Тому существуют разные формы, ведь даже на вечеринке ты раздариваешь свою энергию, свой дух, свое желание заставить людей чувствовать себя хорошо. Молитва – это приношение. И одиночество тоже. Конечно, танец преследует и политические, социальные цели. Я хотела бы поделиться с людьми своей культурой. Знаешь, афроамериканцы настолько недопоняты в мире! Но всем очень любопытно, правда? Насчет нашей одежды, наших волос, музыки, походки, мимики, голосов. Африканская диаспора, Куба, Бразилия, Тринидад, Ямайка, Египет. Чернокожие в Америке, а теперь и в Европе. Все хотят понять наш ритм, но из-за недостатка информации возникает сложность в общении. Одна из моих целей – прославить свою культуру, разделить ее с другими так, чтобы они смогли объять ее. Если бы я танцевала под Шопена – это был бы Шопен, преподнесенный с помощью тела афроамериканской женщины. Я и Шопен, знаешь ли. Музыка из разных частей света при помощи танца сближает людей. Это куда лучше, чем все время говорить, что мы разные. Да посмотри на себя, ты выглядишь, как американская девчонка! Ты носишь круглые сережки, символизирующие бесконечный цикл жизни в африканской и азиатской традиции. Жизнь и снова жизнь. Такие сережки ты встретишь и в Африке, и в Бруклине, и в Китае, и в Ярославле.

– Может, теперь “Souloworks” соберутся и в Москву?

– Хорошо бы! Может, у тебя есть какие-нибудь контакты? Для нашей поездки в Ярославль нашлось несколько источников финансирования, я смогла приехать сюда с семьей танцовщиками и очень горда тем, что в меня поверили и поддержали. Когда я приезжала сюда в 1996-м, финансирование не было никакого, я даже не знала, где его искать. Я разослала друзьям конверты с марками и попросила их прислать хоть немного денег, хотя бы по двадцать долларов. Многие отозвались, так я и купила билеты. Мы артисты и не делаем больших денег. У нас есть только футболки с логотипом компании, которые стоят тринадцать баксов. Может, что-то изменится, но пока мы теряем деньги, когда выступаем. Я зарабатываю преподаванием, а выступления – это роскошь, привилегия.

– Если бы я была вправе дать единственное и главное определение твоему танцу, я бы сказала: красота.

– Спасибо. Это многое значит для меня. Только что мне сказали то же о времени, ты слышала? Здорово, потому что никто не говорил об этом очень давно. Должно быть, это понятие важно для того человека, поэтому он увидел мою работу сквозь призму времени. А для тебя, наверное, важнее красота. Мне интересно все, что могло бы сближить нас, – но только не раздвинуть. Только не раздвинуть.

Беседовала Дарья КОРОБОВА

• Андреа Вудс

Фото В.ЛУПОВСКОГО